

Американская экспертная китаистика в условиях неоконсервативного поворота

Роман Р. Романов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, roman-romanov-1998@list.ru*

Аннотация. Процесс принятия внешнеполитических решений и формирование политики одной страны в отношении другой остается для исследователей закрытым процессом. Нельзя точно определить, какие вводные доступны руководителям и как проходит процесс выработки итогового решения. Например, мы не имеем доступа к закрытой экспертизе, предоставляемой разведкой или Министерством обороны США. Иначе говоря, весь внешнеполитический механизм – своеобразный «черный ящик» (black box). В этой связи изучение открытого экспертно-аналитического сообщества является удобной и валидной альтернативой для большего понимания процесса принятия решений.

Американская китаистика зародилась еще во второй половине XIX в. У ее истоков стояли миссионеры, торговцы и мануфактуристы. На протяжении многих лет они способствовали развитию изучения Китая. При этом даже в периоды, когда США придерживались более изоляционистской внешней политики, китаистика продолжала развиваться. С определенного времени у дисциплины появились новые направления, что также стимулировало ее развитие и превращение в отдельную область регионоведения.

Но споры между экспертами способствовали не только появлению новых смыслов и положений, но и к снижению защищенности китаистики от политизации. Причем ее старались политизировать и использовать против своих конкурентов не только политики, но и эксперты, стремившиеся к большей вовлеченности в процесс принятия решений. Иначе говоря, во время неоконсервативного поворота стала четче проявляться тенденция «подстраивания» экспертизы под внутри- и внешнеполитические интересы лиц принимающих решения.

Ключевые слова: американо-китайские соперничество, экспертно-аналитическое сообщество, процесс принятия решений, китаистика, китаисты, внешнеполитическое консультирование

Для цитирования: Романов Р.Р. Американская экспертная китаистика в условиях неоконсервативного поворота // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 2. С. 25–40. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-25-40

American sinology through the lens of the neoconservative switch

Roman R. Romanov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
roman-romanov-1998@list.ru*

Abstract. The foreign policy decision-making remains “blank” for researchers. It is impossible to determine exactly what in-put is available to a decision-maker and how the final decision is elaborated. For example, we do not have access to the classified materials provided by intelligence or the US Department of Defense. In other words, the entire foreign policy mechanism is a “black box”. In this regard, think tanks can be considered as a convenient and valid alternative material for studying the decision-making process.

American sinology originated in the second half of the 19th century. It was founded by missionaries, merchants and manufacturers. Over the years, they have contributed to the development of Chinese studies. Even during the periods when the United States pursued an isolationist foreign policy, sinology continued to develop. At some point, new directions originated within the discipline. The latter also contributed to the development of sinology into a separate regional studies branch of knowledge.

But the disputes between experts have contributed not only to the emergence of new meanings and notions, but also to a decrease in the resilience of Chinese studies to politicization. Moreover, not only politicians tried to politicize it and use it against their competitors, but also some experts who sought greater involvement in the decision-making process. In other words, “shaping” expertise for domestic and foreign political interests of decision-makers has become more conspicuous during the neoconservative switch.

Keywords: US-China rivalry, expert and analytical community, decision-making process, sinology, sinologists, foreign policy consulting

For citation: Romanov, R.R. (2025), “American sinology through the lens of the neoconservative switch”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 25–40, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-2-25-40

Введение

Актуальность выбранной темы определяется приоритетностью китайского направления внешней политики США. Это подтверждается не только словами американских официальных лиц и частотой их поездок в Китай, но и доктринальными документами, в которых прописана неизбежность соперничества Вашингтона и Пекина. Кроме того, в условиях динамично меняющегося ландшафта мировой политики и высокой скорости распространения информации качественная и оперативная аналитика остается важным фактором при принятии внешнеполитических решений. Это приобретает особое значение в условиях, когда лица, принимающие решения (decision-makers), не обладают опытом работы во внешнеполитической сфере. Так из последних президентов США (начиная с 1993 г.) только Джоозеф Байден (2021–2025) обладал им на момент вступления в должность главы государства. Наконец, США остаются страной-чемпионом по количеству экспертно-аналитических центров. По данным последнего актуализированного доклада Global Go to Think Tank за 2020 г.¹ в США работает 2203 центра – первое место в мире. Это говорит не только о развитости «рынка мнений», но и о востребованности «продукта», который предлагается этими организациями.

Статья нацелена на характеристику влияния неоконсервативного поворота на состояние экспертной китаистики в США. Выводы автора формируются на основе историко-генетического метода, позволяющего рассмотреть генезис американской экспертной китаистики, многофакторного анализа, использованного для выделения совокупности факторов, оказывавших влияние на ее развитие на различных этапах, институционального подхода, привлеченного для изучения «системы вращающихся дверей».

Два трека китаистики в США

В начале XX в. в американской китаистике существовали два условных взгляда на то, как изучать Китай: элитистский и популистский [Shambaugh 2015, pp. 235–241]. Эти два термина – общие для обозначения в науке сторон спора по какому-нибудь из

¹ Новые версии доклада не публикуются с 2021 г. после смерти основателя и главного составителя рейтинга профессора Джеймса Макганна в ноябре того же года.

принципиальных вопросов². Элитистами считаются сторонники устоявшихся традиционных (conventional) подходов к изучению проблемы, популистами – сторонники пересмотра этих подходов³. В контексте американской китаистики элитисты были «наследниками» почти полуторавековой американской традиции изучения Китая не только как страны-участницы международной системы, но и как отдельной цивилизации⁴. Они описывали его, опираясь на состояние политических элит и дискуссии внутри власти. Популисты отмечали необходимость изучать процессы, происходившие внутри китайского общества, аргументируя это неспособностью элитистов предложить способы сохранения Китая вне зоны влияния СССР в конце 1940-х гг., когда коммунисты во главе с Мао Цзэдуном одерживали верх в Гражданской войне (1927–1950).

Дискуссии о том, «кто потерял Китай», стали одной из причин раскола внутри самих популистов на «левых» и «правых»⁵. Обе условные группы критиковали элитистов, но предлагали разные подходы к изучению Китая и взгляды на него. «Левые» продолжали настаивать на основополагающей роли «народа» и общественных процессов и утверждали, что ориентация элитистов на китайское правительство (во главе с партией Гоминьдан) не позволила им предсказать победу коммунистов и выработать принципиально новый способ изучения Китая и коммуникации с ним. В свою очередь, «правые» стали активны в 1950–1960-е гг. (особенно в годы маккартизма) и обвиняли элитистов в отсутствии патриотизма. При этом если представители «левых» в большинстве случаев были из академической среды, то среди «правых» выходцы из академического сообщества составляли меньшинство. Вот почему «левым» удалось относительно долгое время контролировать повестку популистов в сфере американской китаистики.

Последствия начавшейся во второй половине 1960-х гг. Культурной революции в КНР изменили динамику спора между экспертами: элитисты не могли объяснить происходившее особен-

² См., например: [Smith 1982; Kranert 2020].

³ Характеристика элитистов и популистов дается на основе работ Д. Шамбо.

⁴ См., например: Rockhill W. *The land of the Lamas: Notes of a journey through China, Mongolia and Tibet*. L.: Longmans, Green, and Co, 1891; *Lattimore O. Inner Asian frontiers of China*. N. Y.: American Geographical Society, 1940; а также монографию Ю. Трани и Д. Дэвиса [Trani, Davis 2009].

⁵ Спор между представителями двух направлений китаистики (как академической, так и экспертной) о том, почему не удалось предупредить причины провала правительства Гоминьдана.

ностями истеблишмента, а левые популисты не нашли аргумент в пользу того, что Культурная революция и является доказательством первичности китайского общества в развитии страны на ее пути к «демократизации» [Shambaugh 2015, pp. 240–241]. Кроме того, налаживание дипломатических отношений между США и КНР в 1970-х гг. спровоцировало своеобразное возрождение американской китаистики. Происходило становление китайских исследований как отдельного направления регионоведения в США (area studies) [Seybolt 1973, p. 20], тогда как до этого изучение Китая проходило в рамках программы дальневосточных исследований. В этом процессе приняли активное участие как элитисты, так и популисты, в том числе правого толка [Shambaugh 2015, p. 243]. Для более корректного понимания трендов, наметившихся тогда в китаистике, следует уточнить, что к 1960 г. в США окончательно сформировался рынок экспертного мнения. Главная задача экспертного знания (в нашем случае экспертной китаистики) в отличие от академического заключалась не в изучении Китая, а в формировании рекомендаций для правительства на основе полученных знаний (из академии или от журналистов). Стоит отметить, что в США были попытки создать центры с целью консультирования правительства на базе университетов. Многие из них существуют и в настоящее время (в том числе профильные по Китаю). Однако по сравнению с классическими think-tanks⁶ как косвенные, так и прямые признаки их участия в процессе принятия внешнеполитических решений достаточно трудно идентифицировать.

К моменту окончания холодной войны популисты преобладали в процессе принятия внешнеполитических решений в США и в административном, и в экспертном плане. В первом случае это выразилось в наличии агентов влияния внутри правительства как в лице экспертов, так и самих политиков, согласных с популистским подходом к выстраиванию отношений с КНР. Во втором – реализовывалось за счет встраивания во внешнеполитический механизм экспертно-аналитических центров, «приютивших» популистов. Наиболее характерным примером таких центров был Гудзоновский институт⁷, основанный в 1961 г. Дополнительную интеллектуальную «подпитку» популисты конца 1970 – начала 1980-х гг. получали от китайских эмигрантов, приехавших из материкового Китая, либо с Тайваня и недовольных политикой коммунистов, в особен-

⁶ К классическим автор относят центры фондового, а не университетского типа.

⁷ Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

ности в период налаживания американско-китайских отношений. Это способствовало развитию в экспертной среде более критического взгляда на Пекин с акцентом на ограничение прав человека в Китае.

Известный американский китаист Дэвид Шамбо объяснил углубление противоречий между элитистами и популистами в те годы не только внешнеполитическим контекстом, но и развитием академической среды в США в целом. Формирование новых дисциплин и выделение китаистики в отдельное направление регионоведения (regional studies) способствовали нарастанию споров между молодым поколением экспертов и их наставниками, т. е. принципиальное несогласие с подходом другой стороны на изучение Китая совпадало и усиливалось расхождением взглядов на структуру высшего образования.

Неоконсервативный поворот

Рост влияния популистского крыла американской китаистики можно отследить с подъемом неконсервативного подхода к внешней политике США. Как правило эксперты, придерживающиеся популистского подхода, сотрудничали с прореспубликанскими и консервативными экспертно-аналитическими центрами или создавали новые. Среди традиционных центров можно назвать Фонд «Наследие» (Heritage Foundation), Гудзоновский институт (Hudson Institute*), Гуверовский институт (Hoover Institution**), Институт Американского предпринимательства (AEI, American Enterprise Institute). К новым следует отнести Институт Дискавери (Discovery Institute, 1991 г.) и Проект нового американского века (Project for the New American Century, 1997 г.).

Активизацию популистов можно связать в первую очередь с изменением международного контекста. С развалом СССР заинтересованность в Китае как в геополитическом союзнике стала снижаться. Дополнительные подтверждения получал ситуативный характер американско-китайского партнерства, сложившегося в 1970-е гг. Часть политического истеблишмента находилась в поиске нового противника. Объяснить это можно влиянием групп интересов, связанных с производителями оружия. Ведь с распадом

*Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

**Организация признана нежелательной на территории Российской Федерации.

СССР постепенно исчезала нужда в крупных военных заказах. Кроме того, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. администрация 41-го президента США Джорджа Буша-старшего (1989–1993) запретила таким компаниям как “Lockheed Martin” поставлять оружие в КНР. В результате у противников Китая в американском внешнеполитическом истеблишменте появился идеологический мотив ратовать за более жесткую по отношению к нему политику. Поддержка этого подхода изначально была характерна не для всего американского экспертно-аналитического сообщества, но для определенной группы центров.

Одной из таких организаций стал созданный в 1997 г. Проект «Новый американский век» (PNAC, Project for the New American Century). Среди его учредителей были «ястребы» из команды Буша-старшего Дик Чейни (министр обороны в 1989–1993 гг.) и Пол Волфовиц (заместитель министра обороны в 1989–1993 гг.). К ним присоединился давний соратник Чейни экс-глава Пентагона Дональд Рамсфелд. В уставе организации говорилось о необходимости выработки консервативного варианта внешнеполитической стратегии США: «Они (консерваторы. – *P. P.*) не сформулировали руководящих принципов американской внешней политики. Они позволили разногласиям по поводу тактики затмить потенциальное согласие по стратегическим целям. И они не боролись за оборонный бюджет, который поддерживал бы американскую безопасность и продвигал американские интересы в новом столетии»⁸. Тезис о том, что центр был тесно связан с американским ВПК подтверждается как составом его учредителей, значительная часть которых так или иначе была связана либо с министерством обороны, либо работала в одной из оружейных компаний. Кроме того, институт на протяжении многих лет был бенефициаром пожертвований производителей оружия.

Для достижения поставленных целей предлагалось увеличить отчисления в военный бюджет, укрепить отношения с союзниками, а также усилить давление на «режимы, угрожающие» интересам США, и продвигать «политическую и экономическую свободу» за рубежом. Этот подход основатели PNAC назвали «рейганистским» (Reaganite), включающим «военную мощь и моральную ясность»⁹.

В литературе и статьях, посвященных деятельности PNAC, центр и его экспертов изучают как архитекторов ближневосточной

⁸ PNAC statement of principle, June 3, 1997. URL: <https://www.grojasdatabank.info/pfpc/PNAC---statement%20of%20principles.pdf> (дата обращения 24.10.2024).

⁹ Ibid.

политики США в начале президентства Джорджа Буша-младшего¹⁰. При этом в период активности с 1997 по 2006 г. PNAC стал площадкой для многих китаистов, в том числе из других центров. Одним из них был Арон Фридберг (Aaron Friedberg). Последний посвятил угрозе, исходящей от Китая, целую главу в книге «Нынешние угрозы» (Present Dangers, 2000 г.), которую редактировали два сооснователя PNAC Роберт Кэйган (Robert Kagan) и Уильям Кристол (William Kristol). В свое время они же стояли у истоков неоконсервативного журнала “Weekly Standard”, ставшего рупором неоконсервативов.

Соперничество с Китаем считалось сотрудниками центра основным вызовом для США в XXI в. [Тао 2018, pp. 53–54]. В специальном докладе Проекта от 2000 г. КНР упоминается 14 раз (как «Китай» и «Пекин»). По мнению авторов, наращивание военной мощи США в Юго-Восточной Азии является единственным способом борьбы с возвышением Китая. Также отмечается характерный для неоконсервативов «алгоритм»: сильные США могут способствовать «мирному» возвышению Пекина и, как следствие, его демократизации¹¹. В первый год существования центр официально заявлял в качестве одной из целей политики на китайском направлении изменение политической системы в КНР [Ryan 2010, pp. 148–149]. Интересно то, что смена тональности и особый подход к изучению Китая и интерпретации его роли в современных международных отношениях стали не смягчающим фактором для формируемого в центре аналитического знания, а наоборот, усилили конфронтационную тональность его сотрудников. Упомянутая особенность подхода заключалась в отсутствии военной составляющей среди рекомендаций экспертов как способа разрешения проблемы китайской угрозы. Прописывание прямого применения вооруженных сил для достижения геополитических интересов было характерно для PNAC при анализе ближневосточной и латиноамериканской политики США, но не для ее китайского направления. При этом эксперты уделяли особое внимание вопросу прав человека и предполагаемому нарушению Китаем норм свободной торговли – все то, что в XXI в. можно классифицировать как конфликтные сферы в двусторонних

¹⁰ См.: United States foreign policy and national identity in the 21st century / ed. by K. Christie. N.Y.: Routledge Taylor & Francis. 2008.

¹¹ Rebuilding America's defense. Strategy, forces and resources for a new century // The project for a New American century. URL: <https://ia600100.us.archive.org/9/items/ProjectForANewAmericanCenturyRebuildingAmericasDefenses/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения 24.10.2024).

отношениях. Можно сказать, что эксперты PNAC выступали за так называемую концепцию жесткого взаимодействия (“tough engagement” как альтернатива “engagement”), предполагавшую совмещение военного сдерживания (без прямого применения силы) и развития экономического партнерства. При этом и торговую внешнеэкономическую деятельность предлагалось выстраивать исходя из интересов национальной безопасности. Например, PNAC рекомендовал отказаться от сотрудничества с компаниями, связанными с китайским ВПК [Ryan 2010, p. 153], и перейти к политике сдерживания. Исследователи неоконсервного внешнеполитического подхода в 1990-х гг. отмечают в своих трудах, что китайскую стратегию неоконсервов отличала «позиция нападающего». Это не было характерно для их понимания политики США на советском направлении, где многие решения принимались исходя из оборонительных целей [Ryan 2010, p. 152].

Позиция PNAC по Тайваню также не совпадала с экспертным мейнстримом. В августе 1999 г. за подписью основателей центра и совместно с некоторыми экспертами “Heritage Foundation” было выпущено письмо, в котором подчеркивалась необходимость подтверждения США оборонных обязательств перед Тайванем, а также островами Мацзу и Цзиньмыньдао. «Время стратегической и моральной “двусмысленности” по отношению к Тайваню окончено», – подчеркивалось в документе¹².

В 1995 г. республиканцы впервые за почти 40 лет получили большинство в палате представителей США, что создавало препятствия для действий администрации тогдашнего президента Билла Клинтона (1993–2001). Китайское направление внешней политики было одним из поводов. Республиканцы обвиняли президента в том, что он идет на уступки Китаю и игнорирует нарушение там прав человека. Таким образом, критика Китая усиливалась не только ввиду изменений внутри экспертно-аналитического сообщества (появление новых центров), но вследствие запроса со стороны политиков-республиканцев. Преимуществом PNAC в отличие от многих других центров было наличие более широкой системы связей во власти. Значительная часть подписавших уставной документ PNAC (17 из 25) раньше работала в федеральном правительстве. Из них 16 занимали руководящие должности (см. табл. 1). Кроме того, центр получал материальную помощь от других организаций. Например, AEI предоставлял свои офисные помещения.

¹² Statement on the defense of Taiwan. August 20. 1999. URL: https://militarist-monitor.org/images/uploads/PNAC_Statement_on_the_Defense_of_Taiwan.pdf (дата обращения 01.11.2024).

Таблица 1

ФИО подписавшего уставной документ	<i>Работа в правительстве США (последняя должность до 1997 г.)</i>
Элиот Абрамс	Помощник государственного секретаря по делам Западного полушария (1985–1989)
Гэрри Бауэр	Помощник президента США по политическим вопросам (1987–1988)
Уильям Беннетт	Директор управления национальной политики по борьбе с наркотрафиком (1989–1990)
Джеб Буш	Министр торговли Флориды (1987–1988)
Дик Чейни	Министр обороны США (1989–1993)
Элиот Коэн	Сотрудник отдела политического планирования в управлении министра обороны (1990)
Пола Добриански	Заместитель помощника государственного секретаря по вопросам прав человека и гуманитарной политике (1987–1990), заместитель директора информационного агентства США (1990)
Фрэнк Гаффни	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (1987)
Фред Айкл	Заместитель министра обороны по политическим вопросам (1981–1988)
Залмай Халилзад	Заместитель государственного секретаря по вопросам политического планирования (1990–1992)
Скутер Либби	Заместитель государственного секретаря по вопросам политического планирования (1992–1993)
Дэн Куэйл	Вице-президент США (1989–1993)
Питер Родман	Помощник президента по вопросам национальной безопасности (1987–1990)
Гарри Роуэн	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (1989–1991)
Дональд Рамсфелд	Министр обороны США (1975–1977)
Вин Вебер	Секретарь республиканской конференции (1989–1993)
Пол Волфовиц	Заместитель министра обороны по политическим вопросам (1989–1993)

Прямых доказательств лоббирования аналитики центра в правительстве нет. В то же время будет некорректно игнорировать косвенные. Так, один из подписантов уставного документа организации бывший конгрессмен Вин Вебер был не только высокопоставленным партийным чиновником, но и близким советником, а также личным другом спикера Гингрича. Кроме того, после победы на президентских выборах в 2000 г. республиканца Джорджа Буша-младшего (2001–2009) 10 из подписантов получили должности в новой администрации. Например, рекомендации по усилению поддержки Тайваня были выполнены. В начале президентства Буш-младший объявил о первом за долгие годы пакете оружейных поставок для Тайваня, а позже заявил, что США помогут Тайваню в случае нападения «во что бы то ни стало» [Март 2004, р. 397].

Можно сказать, что PNAC совместил в себе черты экспертно-аналитического центра и группы интересов. Его деятельность это один из примеров того, как экспертное знание создается не только в ответ на запрос власти, но и вследствие стремления изменить позицию последней по нескольким ключевым вопросам внешней политики. Пример китаистики наиболее показателен, поскольку приблизительно с конца 1970-х гг. в американском внешнеполитическом истеблишменте существовал двухпартийный консенсус по поводу того, как выстраивать отношения с Китаем.

Китаистика внутри PNAC начала приобретать черты американской русистики. Одна из самых главных – участие журналистов в формировании экспертного знания. Дело не в том, что журналисты не могли заниматься Китаем профессионально (есть много примеров участия американских журналистов в развитии китаистики). Однако в случае с PNAC и другими неоконсервативными центрами журналисты работали не столько на формулирование рекомендаций, сколько на обоснование роли КНР как основного противника США в XXI в.

PNAC не только создал предложение в форме альтернативного знания о Китае, но со временем, когда многие из его сотрудников и связанных с ним лиц заняли ключевые посты в команде 43-го президента (см. табл. 2), получил возможность формировать спрос на это знание. Данная особенность является одной из важнейших в понимании развития китаистики в конце 1990 – начале 2000-х гг. Сама внешнеполитическая экспертиза как рынок экспертных мнений действовала подобно реальному рынку, где происходила конкуренция между организациями за влияние.

Таблица 2

<i>ФИО</i>	<i>Должность в администрации Дж. Буша-младшего (2001–2009)</i>
Дик Чейни	Вице-президент
Дональд Рамсфелд	Министр обороны (2001–2006)
Пол Волфовиц	Заместитель министра обороны
Элиот Коэн	Советник государственного секретаря (2007–2009)
Элиот Абрамс	Заместитель советника по национальной безопасности (2005–2009)
Пола Добриански	Заместитель государственного секретаря по глобальным вопросам (2001–2009)
Залмай Халилзад	Посол США в Афганистане (2004–2005); Ираке (2005–2007); постпред США в ООН (2007–2009)
Скутер Либби	Советник вице-президента по национальной безопасности и глава аппарата вице-президента (2001–2005)
Питер Родман	Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности (2001–2007)
Гарри Роуэн	Член совета консультантов министра обороны (2001–2004)

Это не значит, что в администрации Буша-младшего служили только сторонники жесткого подхода к Китаю. На ключевых позициях по формированию политики на китайском направлении были и умеренно настроенные политики, кадровые дипломаты, ранее не связанные ни с РНАС, ни с другими консервативными экспертно-аналитическими центрами. Но им приходилось не столько соперничать с «ястребами» администрации, занимавшими более высокие посты, сколько реализовывать задаваемую ими стратегию. Например, принято считать, что до второго срока президентства Буша-младшего серьезное влияние на внешнюю политику оказывали Чейни и Рамсфелд. В кругу их личных советников по Китаю как раз доминировали сторонники более жесткого подхода. Так ранее упомянутый китаист-популист Фридберг был заместителем помощника Чейни по вопросам национальной безопасности и политическому планированию с 2003 по 2005 г. Особенность этой должности заключается не только в возможности консультировать вице-президента, но и в участии в подборе экспертного персонала,

аналитиков. Два ключевых советника Рамсфелда, как указано в табл. 2, также были представителями PNAC.

Можно предположить, что росту влияния неоконгов на формирование политики США на китайском направлении способствовало и отсутствие профессиональных китаистов на ключевых постах в ведомствах (см. табл. 3)¹³. Иначе говоря, у них были «балансиры», сдерживающие администрацию от резкого изменения политики на китайском направлении, но принятые ими решения не смогли минимизировать вероятность соперничества двух держав в долгосрочной перспективе [Chi Wang 2009, p. 12].

Таблица 3

ФИО	Ведомство	Должность	Профиль
Майкл Грин	Совет по нац-безопасности (Белый дом)	Руководитель отдела СНБ по делам Азии (2004–2005)	Японист
Ричард Лоулесс	Министерство обороны	Заместитель министра по вопросам безопасности в АТР (2002–2007)	Специалист по Корее
Джеймс Келли	Государственный департамент	Помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и АТР (2001–2005)	Военный
Кристофер Хилл	Государственный департамент	Помощник государственного секретаря по делам Восточной Азии и АТР (2005–2009)	Карьерный дипломат, большую часть карьеры посвятил европейским делам

Заключение

Во-первых, несмотря на то что американо-китайские отношения перешли в стадию соперничества во втором десятилетии

¹³ К ним относятся должности, связанные непосредственно с Китаем или с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В разных ведомствах они имеют разные наименования.

XXI в. (приблизительно со второго срока Обама и в президентство Трампа), доктринальное обоснование этого поворота начало активно формироваться в конце 1990 – начале 2000-х гг. Разрушение bipolarной системы и сохранение США в роли единственной сверхдержавы способствовало переосмыслению места страны в мире определенной частью экспертно-аналитического сообщества. Мессианство, свойственное американской внешнеполитической традиции, после Холодной войны сформировало ценностную основу для деятельности неоконсерваторов.

Во-вторых, одной из причин актуализации популистского подхода к изучению и интерпретации роли Китая в современных международных отношениях стало не только изменение внешнеполитического контекста, но и усложнение внутривнутриполитического. Республиканцы и демократы все реже выработывали законопроекты и инициативы, имевшие двухпартийную поддержку. Это было обусловлено не только постепенным обновлением состава Конгресса (на смену старым политикам приходили более молодые преемники), но и привычным процессом предвыборной конкуренции, когда за неимением возможности аргументировать преимущества своей партии или недостатки противника на внутривнутриполитическом треке, многие политики обращались к внешнеполитической аргументации. Для республиканцев отношения с Китаем были одним из основных предметов критики администрации Клинтона.

В-третьих, важную роль в популяризации жесткого подхода к выстраиванию политики на китайском направлении сыграл PNAC, созданный в 1997 г. У центра было несколько преимуществ, которые смогли закрепить его роль как одного из основных неоконсервативных «мозговых трстов», задававшего тон весомой части экспертно-аналитического сообщества. Значительная часть его соучредителей в прошлом занимала руководящие посты в американском правительстве, большинство из которых получили должности в администрации Буша-младшего после его победы на президентских выборах в 2000 г. Организация способствовала как появлению условного «экспертного предложения», так и спроса со стороны представителей власти. Кроме того, PNAC получал финансовую и кадровую поддержку от других консервативных центров, особенно от AEI. Значимость PNAC была обусловлена не только предлагавшейся аналитикой и политическими должностями экспертов, но и распространением нового экспертного взгляда на другие центры. В последствии, когда PNAC был расформирован в 2006 г., многие из работавших там экспертов перешли в другие центры и способствовали укреплению там неоконсервативных позиций.

Литература

- Kranert 2020 – Discursive approaches to populism across disciplines / ed. by M. Kranert. Southampton: Palgrave Macmillan Cham, 2020. 486 p.
- Mann 2004 – *Mann J.* Rise of the Vulcans. The History of Bush's War Cabinet. N.Y.: Penguin, 2004. 464 p.
- Ryan 2010 – *Ryan M.* Neoconservatism and the New American century. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 284 p.
- Seybolt 1973 – *Seybolt P.J.* China studies in crisis // Change. 1973. Vol. 5. No. 5. P. 18–21.
- Shambaugh 2015 – *Shambaugh D.* American studies of contemporary China. N.Y.: Routledge, 2015. 400 p.
- Smith 1982 – *Smith R.A.* On the third realm. Elitism versus populism: The continuing debate // The Journal of Aesthetic Education. 1982. Vol. 16. No. 1. P. 5–10.
- Tao 2018 – *Tao W.* The US policy making process for post-Cold War China. The role of US Think Tanks and Diplomacy. Beijing: China Social Science Press/Springer, 2018. 438 p.
- Trani, Davis 2009 – *Trani E.P., Davis E.D.* Distorted mirrors: Americans and their relations with Russia and China in the 20th century. Columbia: University of Missouri, 2009. 496 p.
- Wang 2009 – *Chi Wang.* George W. Bush and China. Policies, problems and partnership. N.Y.: Lexington Books, 2009. 137 p.

References

- Chi Wang (2009), *George W. Bush and China. Policies, problems and partnership*, Lexington Books, New York, USA.
- Kranert, M., ed., (2020), *Discursive approaches to populism across disciplines*, Palgrave Macmillan, Southampton, UK.
- Mann, J. (2004), *Rise of the vulcans. The history of Bush's War Cabinet*, Penguin Group, New York.
- Ryan, M. (2010), *Neoconservatism and the New American century*, Palgrave Macmillan, New York, USA.
- Seybolt, P.J. (1973), *China studies in crisis*, Taylor & Francis Group, New York, USA.
- Shambaugh, D. (2015), *American studies of contemporary China*, Routledge, New York, USA.
- Smith, R.A. (1982), "On the third realm. Elitism versus populism: The continuing debate", *The Journal of Aesthetic Education*, vol. 16, no. 1, pp. 5–10.
- Tao, W. (2018), *The US policy making process for post-Cold War China. The role of US Think Tanks and Diplomacy*, China Social Science Press/Springer, Beijing, China.
- Trani, E.P. and Davis, E.D. (2009), *Distorted mirrors: Americans and their relations with Russia and China in the 20th century*, University of Missouri, Columbia, USA.

Информация об авторе

Роман Р. Романов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; roman-romanov-1998@list.ru

Information about the author

Roman R. Romanov, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; roman-romanov-1998@list.ru